

DOI: 10.31857/S032103910014141-8

«СЕЙЧАС ПРЕДСТОИТ ИЛИ ВОЗРОДИТЬ...
ИЛИ ОКОНЧАТЕЛЬНО ЕГО ПОГУБИТЬ»:
ВВЕДЕНИЕ И СКОРАЯ ОТМЕНА ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА
В СОВЕТСКИХ ШКОЛАХ
(конец 1940-х – первая половина 1950-х годов)

А. М. Скворцов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

E-mail: artyom-skvorcov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3287-4154

Введение латинского языка в советских школах остается недостаточно изученной на сегодняшний день темой. Об этом эксперименте содержатся лишь краткие сообщения в воспоминаниях современников. В статье на основании нормативно-правовых документов, делопроизводственной документации и мемуаров восстанавливается ход реформы, в котором можно выделить наиболее активные фазы: 1944–1948 гг. и 1952–1954 гг. Автору удается определить, что наибольшее влияние на продвижение идеи введения латыни в школе оказали А.В. Мишулин и Н.Ф. Дератани. Однако непоследовательность осуществления инициативы, отсутствие должной организационно-методической работы и деятельности по разъяснению широкой общественности нововведения привели к скорому сворачиванию реформы. В качестве решающей причины исключения латыни из учебных планов советских школ называется отмена раздельного обучения в 1954 г.

Ключевые слова: латинский язык, советская школа, реформа образования, образовательная политика, Н.Ф. Дератани, А.В. Мишулин, С.П. Кондратьев, учебник латинского языка

Данные об авторе. Артём Михайлович Скворцов – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00557.

“NOW WE HAVE EITHER TO RESTORE...
OR TO RUIN IT COMPLETELY”: THE INTRODUCTION
AND RAPID ABOLITION OF LATIN IN SOVIET SCHOOLS
(late 1940s – first half of the 1950s)

Artyom M. Skvortsov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

E-mail: artyom-skvorcov@yandex.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 22-28-00557

The introduction of Latin in Soviet schools remains an unexplored topic today. There are only brief accounts of this experiment in the memoirs of contemporaries. This article reconstructs the course of the reform on the basis of normative and legal documents, records, and memoirs, in which two most active phases can be distinguished: 1944–1948 and 1952–1954. The author establishes that A.V. Mishulin and N.F. Deratani had the greatest influence on the promotion of the idea of introducing Latin in schools. However, the inconsistent implementation of the initiative, the lack of proper organization and methodological work, as well as the lack of measures to explain the innovations to the general public led to rapid curtailment of the reform. The abolition of separate education for boys and girls in 1954 is considered to be a decisive reason for the exclusion of Latin from the curricula of Soviet schools.

Keywords: Latin language, Soviet school, education reform, education policy, N.F. Deratani, A.V. Mishulin, S.P. Kondratyev, Latin textbook

Образовательная политика советского государства эпохи позднего сталинизма и хрущевского времени остается на сегодняшний день одной из востребованных тем в историографии. Достаточно обратить внимание на то, какой широкий отклик вызвала вышедшая в 2018 г. книга Г.М. Ивановой «Советская школа в 1950–1960-е годы»¹. И при этом одна из самых противоречивых реформ той поры – введение в школах латинского языка – остается совершенно неизученной. Даже в упомянутой обстоятельной 400-страничной монографии Г.М. Ивановой не нашлось место хотя бы упоминанию этого эпизода из истории образования. Реформа остается обойденной вниманием уже с середины 1950-х годов. Так, в статье Н.Ф. Дератани, посвященной юбилейной дате – 40 лет советской классической филологии², где подробно перечисляются достижения ученых в области языкознания, литературоведения, приводятся темы защищенных диссертаций – ни слова нет о существовавшей еще недавно практике преподавания латыни в школах. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что уже в период «оттепели» возобладало мнение о признании эксперимента неудачным. Его предпочли вычеркнуть из анналов истории классической филологии и истории школьного образования. Настоящая статья, основывающаяся на

¹ Pikhoya 2020.

² Deratani 1957, 55–65.

официальной документации из Государственного архива РФ, архивных материалах фонда Б. В. Казанского (Отдел рукописей РНБ) и фонда С. И. Радцига (Отдел рукописей РГБ), призвана заполнить эту лакуну.

Можно представить, каково было удивление некоторых советских восьмиклассников (а потом и их родителей), которые, придя 1 сентября 1948 г. на уроки, обнаружили в расписании новый предмет «Латинский язык». Казалось бы, с этим «пережитком» царского режима тридцать лет как покончено, и вдруг снова латынь в учебных программах?

Если для школьников это нововведение и стало неожиданностью, то филологи-классики о планирующихся преобразованиях знали уже несколько лет и всячески их приветствовали. Еще на заключительном этапе Великой Отечественной войны Всесоюзный комитет по делам высшей школы (далее – ВКВШ) при СНК СССР 27–29 июня 1944 г. провел конференцию о постановке классического образования в СССР³. Вскоре при отделе вузов иностранных языков ВКВШ была создана методическая комиссия классической филологии под председательством Н. Ф. Дератани, которая в июле 1946 г. организовала конференцию преподавателей древних языков вузов Москвы. Названия докладов свидетельствуют о необходимости актуализации педагогического опыта и обмена им. Так, тема выступления С. И. Радцига – «Латинский и греческий языки в мировой культуре и системе образования», А. Н. Попова – «Основы методики преподавания древних языков в вузах», С. П. Кондратьева – «Роль и мастерство преподавателя в изучении древних языков»⁴. Приказом ВКВШ от 4 ноября 1944 г. был увеличен набор на классические отделения в Московском и Ленинградском университетах до 45 человек в 1944 и 1945 гг.⁵ Были открыты классические отделения в Казани и Томске⁶, в МГПИ им. В. И. Ленина⁷. Для обеспечения учебного процесса была основана специальная серия «Римские классики», в рамках которой в 1946–1948 гг. вышло 10 выпусков, представляющих комментированные издания латинских авторов, среди них: Гай Юлий Цезарь («Записки о галльской войне»), Саллюстий («Заговор Катилины»), Тит Ливий («История Рима от основания Города») и др. А. И. Солопов считает, что происхождение этой серии не связано с опытом введения латинского языка в школах в конце 1940-х годов⁸. Однако наши данные позволяют не согласиться с таким утверждением: в конце 1944 г. был взят курс на массовую подготовку учителей-латинистов для школ, в связи с чем актуализировался вопрос издания учебной литературы (в виде оригинальных текстов древних писателей). А прекращение серии в 1949 г. связано с приостановкой исследуемой реформы (об этом будет сказано ниже) и отсутствием в течение двух лет набора на классические отделения.

Такой большой по сравнению с предшествующими годами набор не означал соответствующего многочисленного выпуска. Специальность филолога-классика по-прежнему выбирали по остаточному принципу. По воспоминаниям Н. А. Федорова, на

³ Подробнее см. Skvortsov 2022, 1299–1308.

⁴ ОР РГБ. Ф. 662. Картон 21. Д. 16. Л. 1.

⁵ ОР РГБ. Ф. 662. Картон 15. Д. 20. Л. 1.

⁶ Об истории классического отделения в Томске см. Leushina, Fominykh 2009, 121.

⁷ Editorial 1947, 6.

⁸ Solopov 2010, ii–iii.

40 заявленных в приемную кампанию мест удалось набрать «30 с лишним»⁹. А.Н. Попов на заседании кафедры в январе 1945 г. жаловался на крайне низкий уровень подготовки поступивших на классическое отделение первокурсников¹⁰, что, впрочем, вполне объяснимо тяжелым бытом в условиях войны. В итоге из набора 1944 г. в 1949 г. закончили полный курс обучения лишь 21 человек, а из набора 1945 г. в 1950 г. — 18¹¹.

Но начало было положено. Во исполнение Постановления Совета министров СССР от 22 июля 1947 за № 3315 и Постановления Совета министров РСФСР от 18 августа 1947 за № 618 «О введении в некоторых средних школах университетских городов преподавания латинского языка» с 1948—1949 учебного года в девяти средних школах РСФСР (в четырех школах Москвы, в двух школах Ленинграда, в одной школе Саратова, в одной школе Свердловска и в одной школе в Казани) у восьмиклассников в расписании появилась латынь¹². Начало изучения языка древних римлян в школах именно в 1948 г. объясняется тем, что в этот год был проведен первый выпуск специалистов по классической филологии в МГПИ им. В.И. Ленина¹³, которым и предстояло стать советскими учителями-латинистами. Они поступили в вуз в 1944 г. (в педагогических институтах нормативный срок обучения тогда составлял четыре года), когда, вероятно, на высшем уровне дали добро на изучение латыни в школе.

Таким образом, предварительная работа по подготовке новых кадров была проведена. Но общество пребывало в неведении относительно готовящихся преобразований. Невозможно найти публикации тех лет в массовых изданиях, которые бы разъясняли причины и смысл нововведения. Лишь в «Вестнике древней истории» печатаются передовицы «Классическая филология и ее задачи в советской науке»¹⁴, «О подготовке кадров специалистов по истории древнего мира»¹⁵, представляющие отклики на постановления партии и руководящих органов и тем самым актуализирующие вопросы, стоящие на повестке дня¹⁶, но эти материалы, естественно, читала очень узкая группа лиц — ученые. Показательно, что установить точную дату введения латыни в школе невозможно, если обращаться лишь к воспоминаниям. Современники об этом говорят абстрактно: «сразу после войны»¹⁷, либо же вообще неверно называют год¹⁸. Даже в передовице «Вестника

⁹ «Научить читать, то есть понимать...». Интервью с Николаем Алексеевичем Федоровым 2004 г. URL: http://librarius.narod.ru/personae/fedorov_memoir.htm; дата обращения: 20.01.2023 г.

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 662. Картон 21. Д. 14. Л. 1.

¹¹ Выпускники кафедры классической филологии МГУ 1939—2007. URL: <http://librarius.narod.ru/msu.htm>; дата обращения: 21.01.2023 г.

¹² ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 71. Д. 617. Л. 19.

¹³ Deratani 1948, 184.

¹⁴ Editorial 1947, 3—8.

¹⁵ Editorial 1950, 3—10.

¹⁶ Подробнее о функциях передовиц см. Карчук 2021, 377—390.

¹⁷ См., например, интервью Елены Малер с Азой Алибековной Тахо-Годи в честь ее 85-летия (осень 2007 г.). URL: <http://katehon.ru/oshhushhenie-bozhestvennogo-prisutstviya-u-menya-bylo-vsegda-beseda-s-professorom-a-a-taho-godi/>; дата обращения: 21.01.2023 г.

¹⁸ См., например, статью С.И. Радцига «Введение в античность (древние языки и античная культура в программе средних школ)»: ОР РГБ. Ф. 662. Картон 13. Д. 27. Л. 1.

древней истории» за 1950 г., № 4, содержится ошибка: «С прошлого учебного года (т.е. с 1949–1950 учебного года. — А. С.) в ряде средних школ Москвы, Ленинграда и некоторых других городов введено преподавание латинского языка...»¹⁹. Вероятно, все перечисленное является свидетельством отсутствия развернутой и продуманной пропаганды нововведения и должных разъяснений. Эксперимент начался (и проходил) тихо, без широкой огласки. Впрочем, практики действительных общественных обсуждений реформ в условиях сталинского режима попросту не существовало. К тому же латынь ассоциировалась с ненавистным для советского человека царским режимом. Обращает на себя внимание и довольно узкий круг школ, участвующих в эксперименте, хотя иначе, при отсутствии соответствующего учительского контингента, и быть не могло. Но здесь следует заметить, что со временем планировалось распространить латынь на большее количество средних учебных заведений (что и было сделано), а по словам С.И. Радцига, намечалась постановка преподавания у школьников и древнегреческого языка (!)²⁰. Несмотря на такие планы, необходимых разъяснений не последовало. Не было их дано и в 1952 г., когда эксперимент расширили. Тот же С.И. Радциг в преамбуле одной из своих статей популяризаторского характера замечал: «Так как со стороны Министерства просвещения не было сделано никаких объяснений данному мероприятию, это вызвало много недоразумений и недоумений. В некоторых школах заявили протест преподаватели физики и естественных наук, у которых были несколько срезаны часы. Некоторые из родителей подали даже ходатайства об отмене преподавания латинского языка как ненужного»²¹.

Между тем немаловажное значение имеет формулировка Постановления Совета министров «О введении в некоторых средних школах *университетских городов* (курсив мой. — А. С.) преподавания латинского языка». Из этого словосочетания вырисовывается цель реформы: повысить уровень абитуриентов, поступающих на те специальности, где латынь представлена как составляющая учебного процесса — филология, история, юриспруденция, а кроме того — на специальности медицинских вузов.

Одним из центральных, но вместе с тем и трудно решаемых, остается вопрос об инициаторе реформы. Вероятно, у филологов-классиков той поры сформировалось представление об определяющей роли в этом вопросе И.В. Сталина, о чем свидетельствуют, в частности, мемуары М.Н. Ботвинника. Марк Наумович ставит введение преподавания латыни в школах в один ряд с учреждением погон, офицерских званий, института денщиков, награждением орденами и медалями за выслугу лет²², что в целом укладывается в понятие «сталинский ампир» или «сталинский неоклассицизм». Каких-либо документальных свидетельств, способных подтвердить или опровергнуть такое суждение, нам не удалось обнаружить. Но соответствующее распоряжение могло быть дано и устно; кроме того, сложно

¹⁹ Editorial 1950, 6.

²⁰ ОР РГБ. Ф. 662. Картон 13. Д. 27. Л. 2.

²¹ ОР РГБ. Ф. 662. Картон 15. Д. 14. Л. 1.

²² Botvinnik 1997, 108.

представить, чтобы столь необычная для советской действительности реформа проводилась без указания свыше.

Нельзя не заметить активную роль в этом процессе и других лиц. С.Г. Карпюк в одной из последних статей цитирует траурную речь С.П. Кондратьева, свидетельствующую о значимости А.В. Мишулина в деле постановки преподавания латыни в школах: «Александр Васильевич был историком, он был археологом, но он был также и поборником классического образования. И когда мы видим, что классическая наука переходит сейчас из стен высших учебных заведений в школы, — это заслуга А.В. Те многие докладные записки, которые писались и обращались к руководителям нашей школы, они писались и в первую голову подписывались Александром Васильевичем. И в своей работе, которую он вел, он считал, что знание языка является прежде всего и главным образом основным знанием для историка античного мира... В этом смысле он в своей работе был удивительно последовательным»²³. Действительно, послужной список скоропостижно скончавшегося в 1948 г. историка позволяет присоединиться к суждению С.П. Кондратьева. С мая 1946 г. по август 1948 г. А.В. Мишулин занимал руководящий пост в аппарате ЦК ВКП(б), а с августа 1948 г. являлся ректором Академии общественных наук при ЦК ВКП(б)²⁴.

Отметим и важную роль Н.Ф. Дератани в продвижении «школьной» латыни. Его коллеги в воспоминаниях единодушно относятся к нему как к «партийцу»²⁵. Е.С. Цыпилева в своей статье замечает, что из всех опрошенных ею людей, знавших его, лишь М.Г. Лопатина отзывалась о нем с теплотой²⁶. Приведем в качестве примера воспоминания А.А. Тахо-Годи: «Он (Н.Ф. Дератани. — А. С.) диссертацию на латинском языке, кстати сказать, защитил в самую революцию в Московском университете по риторике Овидия, знаток был латыни, прошел старую муштру классическую... а вот пришлось приспособливаться, крутиться, объединяться с молодыми партийными неучами, самому вступать в эту проклятую, но такую нужную партию... Знаменитые старики, академики М.М. Покровский, И.И. Толстой, терпеть не могли партийного Дератани, не выносили его и С.И. Радциг, Н.А. Кун, Ф.А. Петровский, А.Н. Попов и др. В ИФЛИ, цитадель советской гуманитарной науки, не пускали, а он, окопавшись в МГПИ, в партийных кругах наркомата просвещения, в околоцеховских чиновничьих службах, презирал в свою очередь бывших учителей и сотоварищей»²⁷. А.А. Тахо-Годи создает образ беспринципного интригана, который, «воспользовавшись тяжелой болезнью заведующего кафедрой классической филологии МГУ профессора Радцига... добился отстранения беспартийного профессора и сам стал заведовать кафедрой вплоть до своей смерти в 1958 году»²⁸. Автор мемуаров совершенно не связывает введение в средних образовательных учреждениях РСФСР латинского языка с личностью Н.Ф. Дератани. Более того, он предстает корыстным человеком, который извлек для себя выгоду

²³ Цит. по: Карпюк 2021, 388.

²⁴ Editorial 1948, 139.

²⁵ См. фрагменты воспоминаний в статье Tsypileva 2009, 28–37.

²⁶ Tsypileva 2009, 33.

²⁷ Takho-Godi 2009, 422.

²⁸ Takho-Godi 2009, 321.

из этой реформы, открыв в МГПИ им. В.И. Ленина классическое отделение с целью подготовки учителей по соответствующей специальности. «Однако когда латинской язык исключили из школ за ненадобностью... Дератани закрыл отделение, не раздумывая о судьбе учащихся студентов и преподавателей»²⁹. Такие отзывы выглядят довольно тенденциозно, особенно если учесть напряженные отношения между Н.Ф. Дератани и А.Ф. Лосевым. Известные нам архивные данные вносят некоторые коррективы в однозначно отрицательный образ профессора, оставшийся в памяти коллег. Из переписки Б.В. Казанского и Н.Ф. Дератани следует, что после отмены латыни в школе, когда в середине 1950-х годов остро встал вопрос о судьбе классических отделений СССР, именно Дератани, будучи заведующим кафедрой в МГУ, добивался сохранения наборов на специальность путем введения у студентов-классиков второй квалификации – учителя русского языка и литературы, а также пытался расширить поле деятельности для выпускников, лоббируя дисциплину «Латинский язык» в качестве обязательной на гуманитарных факультетах педагогических вузов. Приведем несколько цитат. В письме от 18 апреля 1955 г. Дератани настаивает: «С этим (введением второй специальности на классических отделениях. – А. С.) надо примириться, иначе классики не всегда смогут найти себе работу по специальности»³⁰; в письме от 12 июля 1955 г. он замечает, что новый «учебный план (подразумевающий введение второй специальности. – А. С.) не ущемляет классиков, а усиливает русский язык, чтобы имели право преподавать [его] после университета»³¹. Наверное, лучше всего позицию профессора можно выразить его же словами: «Я всецело приветствовал бы его введение (латинского языка в школе. – А. С.), но нужно считаться с потребностями страны, теперь нужна политехнизация»³². Заметим также, что именно Н.Ф. Дератани организовал в 1957 г. первое общесоюзное совещание преподавателей классических отделений и опубликовал в 1955 г. статью «В защиту “забытой науки”» в «Литературной газете», пытаясь обратить внимание интеллигенции на проблемы классической филологии.

Обращаясь снова к роли Н.Ф. Дератани в постановке преподавания латыни в школе, заметим, что, безусловно, он был близок к партийным кругам, состоял членом секции народного просвещения Моссовета³³. По его инициативе прошли методические конференции в 1944 г. Показательно и то, что один из авторов учебника латинского языка для школ, С.П. Кондратьев, был профессором кафедры классической филологии МГПИ, заведовал которой Н.Ф. Дератани.

Обратимся к учебнику, который лежал в основе преподавания латыни в школе. Вообще, подготовка соответствующего пособия являлась первоочередной задачей, без чего нововведение быстро бы провалилось. Имеющаяся на тот момент учебная литература либо была ориентирована на студентов вузов (как, например, издания из серии «Римские классики»), либо считалась морально и материально

²⁹ Takho-Godi 2009, 321.

³⁰ ОР РНБ. Ф. 1393. Д. 590. Л. 34.

³¹ ОР РНБ. Ф. 1393. Д. 590. Л. 38–38 об.

³² ОР РНБ. Ф. 1393. Д. 590. Л. 38 об.

³³ Editorial 1958, 248.

устаревшей (опубликованной до революции). В приведенных выше постановлениях Министерства просвещения РСФСР обращают на себя внимание даты: документы подписаны практически за год до их воплощения в жизнь. Тем самым отводилось время на решение организационно-методических вопросов. Трудно сказать, достаточно ли года для написания пособия опытными педагогами. Но рукопись была подписана в печать только 28 октября 1948 г.³⁴, соответственно, школы получили учебник не раньше 1949 г. Остается только догадываться, как выходили из этой ситуации учителя. А ведь среди них были не только (а точнее — не столько) выпускники классического отделения, но и педагоги современных европейских языков, географы³⁵ и даже бывшие священники и аптекари³⁶. Можно сказать, относительно везло подросткам, у которых преподаватели, имевшие широкую подготовку, которая включала и владение древними языками, и знание греко-римских древностей, творчески подходили к процессу. М. Н. Ботвинник, один из педагогов латыни конца 1940-х годов, по его словам, сразу понял бессмысленность требования от учеников «зазубривания» правил грамматики и старался заинтересовывать подростков культурой античности и многочисленными связями языка древних римлян с современными европейскими языками³⁷. Учитель Беляйкина (выпускница кафедры классической филологии МГПИ) на заседании секции иностранных языков по обсуждению программы латинского языка заявляла о том, что несправедливо говорить о тотально враждебном отношении в школах у родителей и школьников к древнему языку. По ее словам, все зависело от учителя³⁸. С последним тезисом трудно спорить, но нельзя не видеть уже на начальном этапе реализации реформы признаков неудачи. Причем появившийся учебник сильно ситуацию не изменил.

Несмотря на, казалось бы, возрождение латыни, а вместе с этим и определенных классицистических традиций, характерных для императорской России, в статьях филологов часто встречаются заявления о необходимости дистанцирования от дореволюционных практик преподавания. Подобную риторику можно отнести к средству защиты небесспорного в условиях советской власти исследуемого нововведения: совершенно очевидна невозможность полного отказа от накопленного в прошлом опыта. Так, после выхода советского учебника латыни для школ специалистам было ясно, что в его основу положены гимназические и семинаристские пособия Санчурского, Михайловского и др.³⁹ Однако на страницах печати заявлялось о классовой подоплеке в характере преподавания древних языков в старых гимназиях. Показательны слова В. С. Соколова: «Классицизм использовался прежде всего как фактор классового отбора, с тем чтобы классическое образование, открывавшее беспрепятственный доступ в университеты или по служебной карьере, служило отличительным признаком барских

³⁴ Kondrat'ev, Vasnetsov 1948, 320.

³⁵ Botvinnik 1997, 109.

³⁶ ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 75. Д. 689. Л. 41.

³⁷ Botvinnik 1997, 113.

³⁸ ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 75. Д. 689. Л. 19–20.

³⁹ Botvinnik 1997, 108.

детей от детей кухарок»⁴⁰. Схожую мысль мы находим у С.И. Радцига, который, выступая с докладами, акцентировал внимание собравшихся на необходимости понимания изменившейся роли латыни в школах: в дореволюционной России, по его мнению, латынь оказалась противопоставлена вольнодумству, выполняла охранительную роль, являясь средством насаждения самодержавия, православия, народности⁴¹. Общий посыл многих выступлений (как в печати, так и перед публикой) таков. В нынешних обстоятельствах перед «школьной» латынью стоят пропедевтические задачи: облегчение постижения обучающимися современных языков, для чего постоянно должна проводиться связь между древностью и современностью, а кроме того — расширение кругозора учеников, приобщение их к сокровищам мировой культуры. В связи с этим предполагалось искоренить в педагогической практике формализм, давать больше оригинальных текстов для перевода. Однако зачастую за этими декларациями никаких принципиальных методических новаций не стояло, да и вряд ли они могли появиться. В этой связи, на наш взгляд, показательна ситуация со сдачей экзамена В.Н. Ярхо по методике преподавания древних языков в послевоенное время. Профессор А.Н. Попов обратился к пришедшему на испытание студенту со следующими словами: «В.Н., на самом-то деле никакой методики нет. Есть люди, которым от рождения предназначено быть преподавателями, а есть такие, которым это не дано. Им никакая методика не поможет. Вы относитесь к первым, и у Вас все получится, — давайте зачетку»⁴². Заметим, что описанная ситуация произошла в период, когда на классических отделениях уже был взят курс на подготовку учителей.

Актуализировать латинский язык и преодолеть «антикварную ограниченность» предполагалось за счет включения в программу сочинений, повествующих об истории регионов СССР в древности, а также текстов на средневековой латыни и латыни Нового времени. Так, в книге для чтения по латинскому языку «*Aula linguae Latinae*» раздел I носит название «Древние и средневековые писатели о нашей Родине». Этот раздел открывается большим отрывком из описания Скифии Геродота в средневековом переводе (!), далее — отрывок о Скифии из Юстина, «Зима у гетов» Овидия и отрывок из «Трактата о двух Сарматиях» польского средневекового писателя М. Меховского. Раздел III «Латинский язык в работах русских ученых» включает фрагменты из переписки М.В. Ломоносова и приветственное слово академику И.П. Павлову в Кембриджском университете⁴³. Этот, третий, раздел включает примеры использования латыни как языка общения в XVIII—XX вв. Н.Н. Пикус, поддерживая авторов в методических новациях, с одобрением отмечал, что в книге для чтения «преодолена историческая ограниченность, точнее — антикварность, обычно свойственная хрестоматиям по древним языкам. Непосредственным следствием этой антикварности и был пониженный интерес учащихся к латинскому языку, как к чему-то ветхому, отжившему. Совсем иное, возбуждающее интерес учащихся содержание мы

⁴⁰ Sokolov 1949, 192.

⁴¹ ОР РГБ. Ф. 662. Картон 15. Д. 14. Л. 2

⁴² Yarkho 2003, 108.

⁴³ Kondrat'ev, Vasnetsov 1950, 128.

видим в разбираемом пособии»⁴⁴. Добавим к этому, что последнее утверждение Пикуса – лишь его предположение.

В целом организационно-методическая работа перед введением латинского языка в школах проводилась довольно слабо. Первоначально никаких методических рекомендаций, программы курса издано не было, а сам материал в учебнике не подразделялся на классы. И это при том, что в провинции зачастую к преподаванию древнего языка допускались люди, не являвшиеся филологами-классиками. Такое положение дел наблюдалось не только в отношении латыни. Г.М. Иванова приводит следующие цифры: в 8–10 классах в 1951/1952 учебном году по всему Советскому Союзу 19,8% учителей не имели соответствующего образования, что приводило к низкому уровню преподавания⁴⁵. Она же сообщает и другую важную для понимания ситуации цифру: в 1950/1951 учебном году в школах РСФСР 13,7% обучающихся остались на второй год⁴⁶. Эти данные красноречиво свидетельствуют о степени готовности учебных заведений к широкомасштабной реформе по введению латыни. К первостепенным задачам все же относилось усиление кадрового состава и повышение успеваемости учащихся, не говоря уже о преодолении материальных трудностей послевоенного времени.

Сам С.П. Кондратьев объяснял отсутствие программы желанием дать учителям простор для творчества, не ограничивать их строгими рамками⁴⁷. Председатель секции иностранных языков учебно-методического совета при Министерстве просвещения РСФСР В.В. Рахманов недоумевал на заседании 19 ноября 1952 г. по обсуждению первой программы, как можно было составить учебник без программы курса⁴⁸. Именно данное обстоятельство стало причиной многочисленных нареканий по поводу распределения между годами обучения грамматического материала. Особенно сильной критике подверглось раннее прохождение темы «*Praesens coniunctivi activi*». Ее (согласно учебнику) предполагалось осваивать параллельно с формами изъявительного наклонения во второй теме, еще даже до получения сведений об имени существительном. Но важнее то, что педагогам не предоставили никакой объяснительной записки о том, как пользоваться учебником, как проводить проверку знаний обучающихся, какие задачи в целом стоят перед предметом, и т.д.

Споры вызвало и желание С.П. Кондратьева и А.И. Васнецова реализовать буквально замечания И.В. Сталина, который в работе «Марксизм и вопросы языкознания» (1950 г.) высказался о языке как историческом явлении и обратил внимание на постоянно меняющийся под воздействием различных факторов словарный состав. Стремление следовать этому тезису привело к включению в учебник многочисленных элементов исторической грамматики. В.В. Рахманов так охарактеризовал итог такого подхода: «Берутся определенные положения из работ Сталина и затем делаются какие-то попытки их нарочито ввести в преподавание

⁴⁴ Pikus 1951, 165.

⁴⁵ Ivanova 2018, 27.

⁴⁶ Ivanova 2018, 26.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 75. Д. 689. Л. 44.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 75. Д. 689. Л. 22.

лат[инского] языка. Если приводится положение о непрерывном изменении словарного состава — тут же нужно дать историю лат[инского] языка, но это невозможно для 9 класса»⁴⁹. Председатель заседания высказался о необходимости рассмотрения латинского языка как самостоятельного предмета, а не «привеска» к другим языкам⁵⁰. На что С.П. Кондратьев высокопарно заявил: «Латинский язык должен и обязан не только объяснять формы нашего родного языка, но и указывать, как он претворялся в языках романских и как он с большим трудом претворялся в языках германских и как он закончился в английском. И поэтому не удивляйтесь, уважаемые товарищи, что мы прежде всего говорили об этом гениальном труде Сталина. Это всеобъемлющая работа. *Мы — маленькая капля, это солнце лингвистики отражающие* (курсив мой. — А. С.). Поэтому мы вполне сознательно приводили все эти тезисы товарища Сталина, внедряя его (их. — А. С.) в нашу науку. Они, эти мысли, очень глубоки и лишний раз их повторить мы считали, что это неплохо»⁵¹. Действительно, подобному аргументу сложно было что-либо противопоставить. В итоге, закрывая заседание, В.В. Рахманов ограничился лишь формальными замечаниями: программу нужно обязательно издать, но без опоры на учебник (чтобы в будущем на ее основании написать новое пособие), дать методические требования по грамматике, лексике с разбивкой по классам, проработать объяснительную записку⁵².

Вскоре, в 1953 г., появилось первое методическое руководство к преподаванию латинского языка в школе. Во избежание нареканий со стороны коллег авторы сочли необходимым в качестве эпиграфа поместить слова И.В. Сталина о важности изучения языка в связи с историей общества⁵³, а в заключении дать цитаты из статьи академика В.В. Виноградова «Значение работ товарища Сталина для советского языкознания»⁵⁴. Через весь текст красной нитью проходила идея о том, что данная брошюра представляет собой не в полной мере руководство, а всего лишь некое собрание опытов, которые можно и вовсе не использовать в практике: «Эти очерки являются только первым опытом... и не претендуют на законченность и полноту. Это именно указания молодому *вдумчивому* (курсив мой. — А. С.) преподавателю, как вести работу по некоторым трудным разделам учебника»⁵⁵. При этом меньшая часть — 40 страниц из 100 уделено конкретным рекомендациям, остальное же — учению И.В. Сталина о языке и идейно-политическому воспитанию учащихся на уроках латыни «в свете постановлений ЦК КПСС по идеологическим вопросам».

Справедливости ради заметим, что С.П. Кондратьев и А.И. Васнецов все же пошли на уступки критикам. В учебнике 1954 г. грамматический материал сгруппирован по годам обучения, пресловутый конъюнктив отнесен на более поздний срок постижения латыни, уменьшены отсылки к исторической грамматике.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 75. Д. 689. Л. 25.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 75. Д. 689. Л. 23.

⁵¹ ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 75. Д. 689. Л. 39–40.

⁵² ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 75. Д. 689. Л. 49–50.

⁵³ Kondrat'ev, Vasnetsov 1953, 5.

⁵⁴ Kondrat'ev, Vasnetsov 1953, 98–99.

⁵⁵ Kondrat'ev, Vasnetsov 1953, 58.

Переработаны в сторону добавления большего количества оригинальных «классических» латинских текстов книги для чтения «Aula linguae Latinae» и «Избранные латинские поэты» — такова была реакция на требование о включении большего количества оригинальных текстов в курс обучения. Но заметим, что все эти публикации относятся к 1954 г., и им суждено было стать последними. Практически в это же время был взят курс на сворачивание «школьной» латыни.

Вообще сама реформа проводилась крайне непоследовательно, видна нерешительность «верхов» в этом вопросе. Нацеленность правительства на введение латыни в школах прослеживается в период 1944–1948 гг. С.И. Радциг в отчете за 1946–1947 гг. сообщал следующее: в состав кафедры входит 32 преподавателя и 11 аспирантов (!)⁵⁶. А в 1948 г. президиум филологического факультета МГУ согласно указаниям Министерства высшего образования на своем заседании 24 апреля вынес постановление о разделении кафедры классической филологии на самостоятельные кафедры греческой и римской филологии. С.И. Радциг протестовал, считая такое механическое размежевание как по смыслу дисциплины классической филологии, так и по читаемым дисциплинам и по преподавательскому составу (многие сотрудники — С.И. Соболевский, А.Н. Попов, Ж.С. Покровская, П.М. Шендяпин, В.С. Соколов и др. — вели занятия сразу по двум языкам) невозможным. Один из его аргументов состоял в том, что выпускники кафедры древнегреческого языка оставались бы явно в ущемленном положении по сравнению с латинистами: последние могли реализовать себя в средних учебных заведениях⁵⁷. В качестве предложения С.И. Радциг внес проект по созданию должностей помощников или заместителей заведующего кафедрой, на которых лежало бы руководство преподаванием древних языков на историческом, философском и юридическом факультетах, а также ведение некоторых организационных дел⁵⁸. Не вдаваясь в сущность обсуждения, заметим, что сама постановка вопроса о разделении кафедры очень показательна.

В 1949 и 1950 гг. наблюдается некоторый откат назад, о чем свидетельствует, в частности, отсутствие в эти годы набора на классические отделения университетов СССР. Вероятно, такой поворот связан с изменениями в руководстве министерства. 15 июля 1949 г. в результате сфабрикованного «Ленинградского дела» отстранен от своей должности министр просвещения РСФСР А.А. Вознесенский⁵⁹ и назначен И.А. Каиров. Как это обычно происходило в то время, специальная комиссия установила множество нарушений в работе предыдущего руководителя, к числу которых относились, например, неудовлетворительное выполнение закона о всеобщем обязательном обучении, большой процент второгодников в школах, необеспеченность учащихся литературой⁶⁰ и т.д. Новый министр начал деятельность с решения этих вопросов и, в частности, с 1 сентября 1949 г. осуществил повсеместный переход к обязательному семилетнему образованию⁶¹.

⁵⁶ ОР РГБ. Ф. 662. Картон 21. Д. 8. Л. 30.

⁵⁷ ОР РГБ. Ф. 662. Картон 21. Д. 25. Л. 1–1 об.

⁵⁸ ОР РГБ. Ф. 662. Картон 21. Д. 25. Л. 1 об.

⁵⁹ Позже, в 1950 г., расстрелян.

⁶⁰ Ivanova 2018, 16.

⁶¹ Ivanova 2018, 94.

Очевидно, вопрос о латинском языке в средних образовательных учреждениях не являлся первоочередным, поэтому оказался в подвешенном состоянии.

В результате половина выпускников 1949 и 1950 годов (а это, напомним, «массовые» выпуски) не получили работу по специальности, о чем с обеспокоенностью заявлял С.И. Радциг⁶². Но в 1952 г. случился новый виток реформы: латынь в качестве обязательного предмета была введена еще в 32 средних школах РСФСР⁶³. В итоге преподавание древнего языка территориально распределилось следующим образом: 13 школ Москвы, 8 школ Ленинграда, 2 школы Горького, 1 школа Ростова-на-Дону, 3 школы Саратова, 1 школа Краснодара, 2 школы Воронежа, 1 школа Грозного, 2 школы Тулы, 2 школы Рязани, 1 школа Свердловска, 1 школа Молотова, 1 школа Калинина, 2 школы Куйбышева⁶⁴. В учебном плане латыни отводилось по 3 часа в неделю в 8, 9, 10 классах. А зарплата учителей-латинистов (выпускников классических отделений) устанавливалась повышенной на 15%. Конечно, это привело к росту набора на классические отделения университетов: в Московском, Ленинградском, Киевском и Харьковском университетах устанавливалась цифра в 25 человек на 1 курс.

Данный приказ филологами-классиками был встречен с энтузиазмом и вызвал восторженные отзывы. Я.М. Боровский на заседании кафедры перед новым 1952/1953 учебным годом отмечал, что «кафедра в 21 год своего существования вступает с новыми надеждами»⁶⁵. По его словам, кафедра наконец-то получила определенную целевую установку в своей работе, а новое распределение на работу должно было повысить активность обучающихся. И.М. Тронский отметил, что введенные меры свидетельствуют о воспитательном значении классики в современном обществе, включают ее в общую сокровищницу советской культуры. С нескрываемой радостью преподаватели говорили об отпавшей необходимости во введении в учебный план отделения классической филологии курсов для получения второй специальности⁶⁶.

В приказе содержалась и директива о предоставлении «городскими отделами народного образования гг. Куйбышева, Молотова, Новосибирска, Краснодарским краевым отделом народного образования, Иркутским, Калининским, Рязанским, Томским, Тульским, Ярославским областными отделами народного образования» списка школ, в которых должно быть введено преподавание латыни с 1953/1954 и 1954/1955 учебных годов⁶⁷. То есть видна нацеленность на расширение реформы. Более того, такой список действительно оказался сформирован, и уже 23 сентября 1952 г. подписан приказ о постановке с 1 сентября 1953 г.

⁶² ОР РГБ. Ф. 662. Картон 15. Д. 20. Л. 1.

⁶³ Приказ министра просвещения РСФСР от 26 июня 1952 г. № 487 «О преподавании латинского языка в средних школах». Сборник приказов и распоряжений Министерства просвещения РСФСР. № 24. Июнь. М., 1952.

⁶⁴ ГА РФ. Ф. 259. Оп. 7. Д. 6010. Л. 4.

⁶⁵ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 15. Д. 995. Л. 1.

⁶⁶ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 15. Д. 995. Л. 6.

⁶⁷ Приказ министра просвещения РСФСР от 26 июня 1952 г. № 487 «О преподавании латинского языка в средних школах». Сборник приказов и распоряжений Министерства просвещения РСФСР. № 24. Июнь. М., 1952.

латыни дополнительно в 10 школах РСФСР, а с 1954 г. еще в 8⁶⁸. В 1954 г. издательство «Учпедгиз» выпустило 30 000 учебников латинского языка⁶⁹ (по плану 1953 г.), что в три (!) раза превышало тираж 1952 г. Но проекту не суждено было осуществиться.

В Государственном архиве РФ сохранилось дело о прекращении преподавания латинского языка в школе, которое позволяет восстановить ход этого процесса. Еще 9 сентября 1954 г. заместитель министра просвещения РСФСР Л. В. Дубровина подала записку на имя председателя Совета министров РСФСР А. М. Пузанова с просьбой о рассмотрении вопроса о переводе предмета латинского языка в школах из разряда обязательных в факультативные, причем уже с 1954/1955 учебного года⁷⁰. Из-за возражений Министерства высшего образования решено было организовать комиссию для изучения этого вопроса. Решений самой комиссии не сохранилось, но в очередной докладной записке Л. В. Дубровиной на имя А. М. Пузанова содержалось развернутое объяснение причин, скорее всего позаимствованных из документа по обследованию средних школ. По словам Дубровиной, практика показала, что три часа в неделю в каждом классе на преподавание латинского языка — недостаточный срок для основательного изучения этого предмета. Само введение латыни произошло за счет сокращения часов по другим предметам, прежде всего — естественнонаучного цикла, что, по словам автора записки, отрицательно сказалось на успеваемости учеников⁷¹. Другой ее аргумент — отсутствие практической пользы: знание языка «имеет некоторое значение для небольшой части выпускников средних школ, поступающих в медицинские, юридические институты и на филологические факультеты университетов. Однако в этих учебных заведениях изучение латинского языка начинается вновь в связи с тем, что основная масса поступающих на 1 курс латинского языка не знает, так как его изучение введено в незначительной части школ»⁷². Кроме того, Л. В. Дубровина обращает внимание на большое количество записок от родителей с просьбой об отмене латыни как предмета, ведущего к перегрузке подростков. Однако заметим, что возражения родителей имели место и до этого. О них упоминает С. И. Радциг в 1952 г.,⁷³ причем данное обстоятельство не помешало в этом же году расширить круг школ с преподаванием латыни. Этот же вопрос поднимали на совещании по утверждению методического руководства по латинскому языку. Но, очевидно, только смерть И. В. Сталина в марте 1953 г. позволила поставить вопрос об отмене латыни в средних образовательных учреждениях на высшем уровне. Кроме того, пресловутая перегрузка детей, как установила Г. М. Иванова, происходила отнюдь не от большого количества уроков или

⁶⁸ Приказ по Министерству просвещения РСФСР от 23 сентября 1952 г. № 830 «О введении преподавания латинского языка в средних школах РСФСР в 1953/54 и 1954/55 гг.». Сборник приказов и распоряжений Министерства просвещения РСФСР. № 43. Октябрь. М., 1952.

⁶⁹ Kondrat'ev, Vasnetsov 1954, 2.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 259. Оп. 7. Д. 6010. Л. 17.

⁷¹ ГА РФ. Ф. 259. Оп. 7. Д. 6010. Л. 11.

⁷² ГА РФ. Ф. 259. Оп. 7. Д. 6010. Л. 12.

⁷³ ОР РГБ. Ф. 662. Оп. 15. Д. 14. Л. 2.

заданий, а от интенсивной общественной работы школьников⁷⁴. Но думается, что даже не это стало основным аргументом для правительства. Важно учесть восстановление в 1954 г. совместного обучения мальчиков и девочек в школах, в результате чего дети буквально перемешались: в 9 и 10 классах оказывались и те, кто изучал латынь, и те, кто даже не приступал к ней. Фактически с сентября 1954 г. ряд директоров школ самостоятельно принял решение о прекращении преподавания латыни⁷⁵. Такую неприятную тенденцию наблюдали и на кафедре классической филологии ЛГУ, где новый учебный год (1954/1955) начался с выражения недоумения по вопросу свертывания латыни в некоторых школах и требований проведения дискуссий по этому вопросу⁷⁶. Очевидно, преподаватели понимали проблему неглубоко. Попытки кафедры изменить ситуацию путем введения кружков по изучению античности в школах выглядели наивными⁷⁷. Более дальновидные члены кафедры (как, например, Н.А. Чистякова) предлагали не увязывать вопрос о месте античности в советской культуре с вопросом преподавания латыни в школе⁷⁸.

Правительство стремилось не допустить конфликта в школах. Существовала реальная угроза того, что многие дети, не изучавшие древний язык, но оказавшись в классах, где уже год или два его изучали, автоматически попадут в разряд неуспевающих, чего не могли позволить чиновники образовательного ведомства, для которых проблема второгодников, как уже говорилось, стояла чрезвычайно остро. Кроме того, в эти годы набирает темп процесс политехнизации образования, подразумевающий уменьшение компонента гуманитарных дисциплин в школах и приближение школы к производству⁷⁹. Поэтому итог вполне закономерен: 22 апреля 1955 г. вышел приказ Министерства просвещения РСФСР № 107 «О прекращении преподавания латинского языка в средних школах».

Изучение опыта по введению латинского языка в школах РСФСР в конце 1940-х – середине 1950-х годов позволило определить причины его неудачи: непоследовательность осуществления реформы, отсутствие должной организационно-методической работы в школах и разъяснений нововведения для широкой общественности. Учебные пособия и книги для чтения публиковались, но качество их оставляло желать лучшего. Решающим фактором исключения латыни из учебных планов советских школ стала отмена раздельного обучения в 1954 г. В целом реформа в условиях послевоенных лет оказалась крайне несвоевременной: перед школой тогда стояли более насущные задачи.

⁷⁴ Ivanova 2018, 182.

⁷⁵ ГА РФ. Ф. 259. Оп. 7. Д. 6010. Л. 4.

⁷⁶ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 15. Д. 1478. Л. 2.

⁷⁷ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 15. Д. 1478. Л. 10.

⁷⁸ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 15. Д. 1478. Л. 10.

⁷⁹ Подробнее см. Ryzhikov 2004, 95–104. Согласно статистическим данным А. Г. Аллахвердяна, рост численности кадров в области общественных наук с 1950-х годов происходил значительно медленнее, чем в естественнонаучной области, а именно: в два раза ниже средней величины (Allakhverdyan 2014, 112).

Литература / References

- Allakhverdyan, A.G. 2014: *Dinamika nauchnykh kadrov v sovetской i rossiyskoy nauke: sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [*Dynamics of Scientific Personnel in Soviet and Russian Science: A Comparative and Historical Study*]. Moscow.
Аллахвердян, А.Г. *Динамика научных кадров в советской и российской науке: сравнительно-историческое исследование*. М.
- Botvinnik, M.N. 1997: [Latin in the Soviet School]. In: *Pamyati Marka Naumovicha Botvinnika* [*In Memory of Mark Naumovich Botvinnik*]. Saint Petersburg, 107–113.
Ботвинник, М.Н. Латинский язык в советской школе. В кн.: *Памяти Марка Наумовича Ботвинника*. СПб., 107–113.
- Deratani, N.F. 1948: [Department of Classical Philology, Moscow State Pedagogical Institute named after V.I. Lenin]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 184–185.
Дератани, Н.Ф. Кафедра классической филологии МГПИ им. В.И. Ленина. *ВДИ* 1, 184–185.
- Deratani, N.F. 1957: [Classical Philology in the USSR in Forty Years]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 55–65.
Дератани, Н.Ф. Классическая филология в СССР за сорок лет. *ВДИ* 3, 55–65.
- Editorial 1947: [Classical Philology and Its Mission in Soviet Science]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 3–8.
Классическая филология и ее задачи в советской науке. *ВДИ* 2, 3–8.
- Editorial 1948: [Professor Alexander Vasilievich Mishulin (1901–1948)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 135–142.
Профессор Александр Васильевич Мишулин (1901–1948). *ВДИ* 4, 135–142.
- Editorial 1950: [On the Training of Specialists in the History of the Ancient World]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 3–10.
О подготовке кадров специалистов по истории древнего мира. *ВДИ* 4, 3–10.
- Editorial 1958: [In Memory of N.F. Deratani]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 246–248.
Памяти Н.Ф. Дератани. *ВДИ* 1, 246–248.
- Ivanova, G.M. 2018: *Sovetskaya shkola v 1950–1960-e gg.* [*The Soviet School in the 1950s and 1960s*]. Moscow.
Иванова, Г.М. *Советская школа в 1950–1960-е гг.* М.
- Karpyuk, S.G. 2021: [Politics and Science: Advances in the First Decade of “Vestnik Drevnei Istorii” (1937–1947)]. *Scripta antiqua: Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva, material'noy kul'tury* [*Scripta antiqua: Ancient History, Philology, Arts and Material Culture*] 9, 377–390.
Карпюк, С.Г. Политика и наука: передовицы в первое десятилетие существования «Вестника древней истории» (1937–1947). *Scripta antiqua: Вопросы древней истории, филологии, искусства, материальной культуры* 9, 377–390.
- Kondrat'ev, S.P., Vasnetsov, A.I. 1948: *Uchebnik latinskogo yazyka dlya 8–10 klassov sredney shkoly* [*Latin Textbook for 8–10 Grades of Secondary School*]. Moscow.
Кондратьев, С.П., Васнецов, А.И. *Учебник латинского языка для 8–10 классов средней школы*. М.
- Kondrat'ev, S.P., Vasnetsov, A.I. 1950: *Aula linguae Latinae. Kniga dlya chteniya po latinskomu yazyku* [*Aula linguae Latinae. A Book for Reading in Latin*]. Moscow–Leningrad.
Кондратьев, С.П., Васнецов, А.И. *Aula linguae Latinae. Книга для чтения по латинскому языку*. М. – Л.
- Kondrat'ev, S.P., Vasnetsov, A.I. 1953: *Metodicheskoe rukovodstvo k prepodavaniiyu latinskogo yazyka v 8–10-h klassah sredney shkoly* [*A Methodological Guide to Teaching Latin in Grades 8 to 10 in Secondary Schools*]. Moscow.
Кондратьев, С.П., Васнецов, А.И. *Методическое руководство к преподаванию латинского языка в 8–10-х классах средней школы*. М.
- Kondrat'ev, S.P., Vasnetsov, A.I. 1954: *Uchebnik latinskogo yazyka dlya 8–10 klassov sredney shkoly* [*Latin Textbook for 8–10 Grades of Secondary School*]. 5th ed. Moscow.
Кондратьев, С.П., Васнецов, А.И. *Учебник латинского языка для 8–10 классов средней школы*. 5-е изд. М.

- Leushina, L.T., Fominykh, S.F. 2009: [Classical Philology in Tomsk State University and St. Petersburg Classical Philologists]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology] 2 (6), 116–126.
 Леушина, Л.Т., Фоминых, С.Ф. Классическая филология в Томском государственном университете и Санкт-Петербургские филологи-классики. *Вестник Томского государственного университета. Филология* 2 (6), 116–126.
- Pikhoya, R.G. 2020: [Dialogue about the Book: G.M. Ivanova. The Soviet School in the 1950s and 1960s]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History] 6, 156–179.
 Пихоя, Р.Г. (ред.). Диалог о книге: Г.М. Иванова. Советская школа в 1950–1960-е гг. *Российская история* 6, 156–179.
- Pikus, N.N. 1951: [Review of: S.P. Kondratyev, A.I. Vasnetsov. Aula linguae Latinae. A reading book on the Latin language. M., 1950]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 164–165.
 Пикус, Н.Н. Рец. на: С.П. Кондратьев, А.И. Васнецов. Aula linguae Latinae. Книга для чтения по латинскому языку. М., 1950. *ВДИ* 2, 164–165.
- Pyzhikov, A.V. 2004: [Reforming the Education System in the USSR during the “Thaw” (1953–1964)]. *Voprosy istorii* [Questions of History] 9, 95–104.
 Пыжиков, А.В. Реформирование системы образования в СССР в период «оттепели» (1953–1964 гг.). *Вопросы истории* 9, 95–104.
- Skvortsov, A.M. 2022: [Classical Philology at the Final Stage of the Great Patriotic War: Actualization of the Discipline]. *Indoevropayskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] 26/2, 1299–1308.
 Скворцов, А.М. Классическая филология на заключительном этапе Великой Отечественной войны: актуализация дисциплины. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 26/2, 1299–1308.
- Sokolov, V.S. 1949: [On the Methodology of Textbooks on Ancient Languages]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 189–197.
 Соколов, В.С. К вопросу о методике и методологии учебников по древним языкам. *ВДИ* 4, 189–197.
- Solopov, A.I. 2010: [Preface to the 2010 Edition]. In: *C. Iulii Caesaris Commentariorum belli Gallici liber primus*. Praefatus est et commentario instruxit Sergius Sobolevski. Moscow, i–iv.
 Солопов, А.И. Предисловие к переизданию 2010 г. В кн.: *Гай Юлий Цезарь. Записки о войне с галлами. Книга первая*. С введением и комментариями С.И. Соболевского. (Римские классики). М., i–iv.
- Takho-Godi, A.A. 2009: *Zhizn' i sud'ba: Vospominaniya* [Life and Destiny: Memories]. Moscow.
 Тахо-Годи, А.А. *Жизнь и судьба: Воспоминания*. М.
- Tsypileva, E.S. 2009: [N.F. Deratani in Memoirs of Contemporaries]. In: *Experimenta Lucifera. Materialy VI Povolzhskogo nauchno-metodicheskogo seminara po problemam prepodavaniya i izucheniya disciplin antichnogo tsikla* [Materials of the VI Volga Region Scientific-Methodical Seminar on the Problems of Teaching and Studying the Disciplines of the Ancient Cycle]. Issue 5. Nizhniy Novgorod, 28–37.
 Цыпилева, Е.С. Н.Ф. Дератани в воспоминаниях современников. В сб.: *Experimenta Lucifera. Материалы VI Поволжского научно-методического семинара по проблемам преподавания и изучения дисциплин античного цикла*. Нижний Новгород, 28–37.
- Yarkho, V.N. 2003: *Vnutri i vne Sadovogo kol'tsa. Vospominaniya obychnogo zaveduyushchego kafedroy* [Inside and Outside the Garden Ring. Recollections of a Regular Department Head]. Moscow.
 Ярхо, В.Н. *Внутри и вне Садового кольца. Воспоминания обычного заведующего кафедрой*. М.